

Глава 1

— Славик! Славик, вставай! Валить надо! Я не могу больше тебя тащить. Все. Амба... Давай помогай, брат.

Голос доносился сквозь тяжелый, низкий гул в ушах. Так обычно бывает, если резко с высоты спуститься вниз. Что за ерунда? А... Черт... Шайба. Удар оказался настолько неожиданным, что меня, похоже, вырубил. Я медленно поднял голову. Повернул ее направо. Потом налево. Насколько это было возможно, конечно, в лежачем положении.

Затылок тут же отозвался тупой болью. Не понял... Шайба летела точно в шею. Помню это. При чем тут голова? Вернее, сначала не сообразил, куда именно придется удар. Заметил черное пятно слишком поздно, отвлекся. Подумал: «Только не в кадык, иначе может быть хреново». Мужики кричали, предупреждали, но на меня напал какой-то тупняк. В последнюю секунду мелькнула мысль, мол, увернусь. Хотя, если упал и сильно звезданулся башкой... Тогда

да, логично выходит. Приложился башкой со всей силы. Вот и объяснение.

Проморгался. Глаза упорно не хотели открываться нормально. Будто в них песка насыпали. Сфокусировал взгляд. Лучше бы этого не делал... Либо я охренеть, как прилично долбанулся об лед и у меня проблемы, либо... Да нет. Не «либо». Реально проблемы. Очевидно, с головой.

Должен быть каток. А катка нет. Только кусты с пожухлыми листьями, мусор и неподалеку — полуразрушенное здание старого цеха. Из-за которого, кстати, доносятся шум и крики. Там прямо толпа народу, похоже. Если судить по характерным звукам, я бы решил, что драка. Причем какая-то массово-коллективная. Слишком много голосов. Из разряда «стенка на стенку».

Голова болит, ни черта не соображаю. Пустырь огнеупорного, что ли? Почему пустырь? Я же был на льду. А вообще, на минуточку, между Москвой и родным городом — расстояние в пятьсот километров. Я его преодолеть никак не мог. Это не считая того, что подобная дурь однозначно никогда не пришла бы мне в голову, даже в виде порыва. Даже в пьяном угаре. А я не пью уже лет пять. Бред какой-то... Серьезно.

— Славик, нам сейчас мандец придет. Вставай, кореш. Угондошат они нас, если заметят... Гадом буду, угондошат. Ну, хочешь, ползи,

а я буду за руки тянуть. За ноги как-то уж совсем... Только нужно смыться за территорию. Там пацаны помогут.

Голос знакомый. Но очень, очень далеко знакомый. Будто мне показывают старую фотографию, и я точно уверен, что людей, изображенных на ней, знаю, но не могу сообразить, откуда.

Поднялся на локтях, чтобы найти взглядом обладателя этого голоса. Рядом подпрыгивал от нетерпения пацан лет четырнадцати. Он каждые две минуты убегал вперед, вытягивал шею, пытаясь что-то рассмотреть вдаль, хотя кроме облезлых стен не видно ни черта, потом возвращался обратно.

Пацан был ядерно-рыжий. Огненный. Такой цвет волос встречается редко. Я за всю жизнь видел лишь единожды. Как у героя старого мультфильма. И такой же конопатый. Выглядел он мелким, значительно младше, чем есть на самом деле. Это странно, но я точно знаю его возраст. Легкая осенняя куртка была разодрана в нескольких местах, рукав оторвался почти полностью и держался на своем месте каким-то чудом. На лбу у пацана красовалась здоровая ссадина, губа разбита. Шапки не имелось вообще, несмотря на то, что по ощущениям точно не лето. Ветер был достаточно холодный и пронизывал насквозь. Ближе к концу октября, наверное. Вот тоже непонятно. Сейчас же весна в самом

разгаре. Хотя какая к чертовой матери разница. Время года вообще не имеет значения, когда такое происходит. Полный треш, если честно.

— Ржавый? — Я не поверил своим глазам.

Быть того не может. Ржавый. Петька. Петька Филимонов. Это как? Его в живых нет уже лет десять. Слышал, вроде спился. Но он выглядит, как подросток. Говорит, как подросток. Да е-мое... Он просто подросток и все!

Петьку я относительно неплохо знал когда-то очень давно. Друг старшего брата. Мне в то время было лет девять, наверное. Славику, брательнику... Четырнадцать? Да, по-моему. так. У нас разница в пять лет. Брат родился в 1972-м, а я в 1977-м. Может, они с Петькой и раньше дружили. Понятия не имею. Просто мне запомнился именно тот период. Когда Славику и Ржавому исполнилось четырнадцать. Это был тяжелый год.

— Славик, я тя прошу! Будь человеком! Не могу бросить кореша, в рот компот! Давай поднимайся.

Ржавый чуть не плакал. Я осторожно принял сидячее положение, опираясь одной рукой о землю, и осмотрелся уже по полной программе.

Ни черта не могу понять, почему он зовет брата? Мы вдвоем здесь. Рядом — никого.

Хотя это точно не самая большая из проблем. Почему я вообще нахожусь на старом заброшенном пустыре?

Место тоже мне знакомо. Один из цехов огнеупорного завода. Быть здесь меня не может никак. Вообще, в принципе, не может. Даже в детстве сюда не ходил.

Я, в отличие от Славки, был хорошим, послушным мальчиком. Черт... Звучит как-то стремно. Тем не менее если братец стоил матери всех седых волос до определенного момента, то я, наоборот, оставался примером для подражания. Даже когда закончил школу и поступил в институт. К чему это? Да к тому, что на пустырь мне бы и в голову не пришло сунуться. А для фантазий это место точно не подходит. Скорее, оно идеально соответствует кошмарам.

Естественно, я и раньше знал о существовании пустыря. Все знали. Особенно подростки. Здесь собиралась местная шпана. К тому же зона неподалеку. Буквально пять минут ходьбы. «Строгач». Ясное дело, ее обитатели по городской улице свободно не гуляют, но все же мне, например, всегда было не по себе вблизи высокого забора с колючей проволокой.

В отличие от большинства пацанов нашего небольшого городка, считавших зеков примером для подражания, олицетворением блатной романтики, я по таким местам, как пустырь, не таскался. Я ходил в музыкальную школу. До определенного момента.

Неожиданно из-за разрушенного цеха, с той стороны, где раздавались крики, гам и периодически — мат, показались четверо. Петькины ровесники. Может, чуть старше.

— Все... Хрен мы теперь уйдем... Живыми... — зло процедил сквозь зубы Ржавый, уставившись на новых участников моего персонального бреда.

Ясное дело, правдой происходящее быть не может. Точно бред. Причем достаточно насыщенный, реальный. Чувствую запахи, слышу звуки. Ощущаю под ладонью холодную землю. Интересно, это что? Мгновенное сумасшествие? Интересно, бывало такое раньше? Чтобы от удара шайбой человек впал в маразм. Или мой случай станет единственным и уникальным?

Во-первых, я не Славик. Я — Алексей Витальевич Белов. Сорока шести лет от роду.

Во-вторых, в родном городе не был со времен выпускного. Уехал на следующий же день, так мне не терпелось оказаться как можно дальше. Почему галлюцинации закинули мое сознание именно сюда, не пойму. Тоски по малой родине никогда не испытывал. Наоборот. Всячески старался ее забыть, как страшный сон. Московским друзьям о детстве и юности вообще не рассказывал. Они уверены, я — из хорошей, приличной семьи. Даже моя жена никогда не бывала в Семилуках. Она об их существова-

нии вообще не знает. Мы познакомились уже в столице.

В-третьих, сегодня пятница. По пятницам я встречаюсь с парнями и мы играем в хоккей. Ночная лига. Неизменная традиция, против которой благоверная не говорит ни слова.

Перечислять факты своей настоящей жизни могу бесконечно. Их миллион.

Хорошая работа, любимая супруга, ежегодный отпуск и поездка к морю. Дорогая тачка, о которой мечтал давно, но позволил себе лишь в этом году. Молодая любовница. Не такая любимая, как жена, но в некотором смысле тоже необходимая. В сорок шесть лет вдруг возникает потребность видеть восхищение в женских глазах. А откуда ему взяться у жены? Она меня в каком только виде ни наблюдала за эти годы. Работа, опять же, достойная. Начальник отдела маркетинга. Короче, все хорошо в моей жизни. Было. До этого момента. Вернее до момента, когда я понял, что сейчас прилетит шайба. Так какого черта?

Неожиданно возникла мысль, от которой похолодело внутри. А что, если я умер? Ну, мало ли. Удар был слишком сильный, например? Сколько таких случаев?

Да ну, на хрен! Не со мной! С кем угодно, но только не со мной! Да и потом, если умер, то должен оказаться совсем в другом месте. Только

не на пустыре огнеупорного завода в Семилуках. Хотя... Если рассудить, может, это и есть мой персональный ад? Уж на рай рассчитывать точно не приходится. Не с моим послужным списком, в котором собран весь перечень грехов. А некоторые даже исполнялись многократно.

— Славик, короче, бей вот тех, которые по краям. С Жирным ты в таком состоянии ни черта не сделаешь. — Ржавый сплюнул в сторону, наклонился, поднял с земли кусок кирпича и сунул мне в руку. Себе взял такой же.

И только в этот момент я осознал, Петька называет именем брата меня! Какая дурь...

Это было настолько неожиданно, что я засмеялся. Seriously. Сидел на земле, посреди грязного пустыря, с кирпичом в руке и ржал во весь голос. Удивительно смешной бред, однако. Надо же, как меня приложило. Сто пудов затылком долбанулся со всей дури. Правда, на голове был шлем. Но мало ли, если удар оказался достаточно сильным, мог не удержаться на ногах и... И что? Ну, упал, ок. Однако надо постараться, чтобы не просто вырубиться, а впасть в состояние маразма. А все происходящее маразм и есть. Иначе просто назвать это не могу.

— Ты че, Филипок? Крыша поехала? — Один из новоприбывших пацанов действительно был каким-то... Жирным. Да. Правильно его Ржавый назвал. Филипок... Старое прозвище

брата. Он до третьего класса был маленьким и щуплым. На фоне ровесников реально смотрелся, как герой Толстого. Потом резко пошел в рост, но погоняло так и осталось. Славика оно сильно злило, а уже ничего не сделаешь. Приклеилось намертво.

— Да обоссался от страха. — Засмеялся стоявший рядом с ним тип. Полная противоположность толстого. Высокий, худой, с вытянутым лицом. Даже морда у него была какого-то желтушного цвета, лошадиная.

Их рожи, кстати, тоже казались мне знакомыми. А еще вдруг появилось четкое понимание, они — враги.

— Да ты иди сюда, Кониная. Посмотрим, кто обоссался, — крикнул Петька. — Чуешь, воняет? Так это от тебя, придурок. Серанул, что ли?

Ржавый расставил ноги шире, наклонил голову. На соперников он смотрел исподлобья.

Я с удивлением понял, что видел уже это. Не знаю, когда. В детстве с Филимоновым мы точно в одной компании не гуляли. А уж совместных драк и подавно не случалось. У меня их не то чтобы с Петькой, а и без него отродясь не было.

Но вот сейчас присутствовала уверенность: мне известно его такое поведение. Обычно, если Петька изображает из себя бычка, который готовится кинуться на объект своего внимания, значит, ему на самом деле — страшно. Но виду

он не покажет. Я точно знаю, сейчас Ржавый заорет и бросится вперед. Попробует зубами вцепиться противнику в горло или щеку. Может, в нос. А рукой, в которой зажат кирпич, будет бить без остановки. Куда придется. Это у него так страх проявляется. Он становится совсем безумным, отмороженным. Ешкин кот... Откуда мне это известно?

А я? Со мной-то что? Интересно, если встать на ноги и сделать то же самое, что и Ржавый, глюки пройдут? Ну должен ведь я очнуться, в конце концов. Хотя... А чего теряю? Ничего. Сон? Бред? Ок. Привиделось мне, будто я — Славик? Да и по хрену. Даже интересно.

Всегда завидовал брату. Его безбашенности, стержню, который был внутри. Тому, что Славка клал на всех и вся с высокой колокольни. Интересно же почувствовать себя в его шкуре. Все равно со мной ничего более страшного не случится, чем уже есть. Валяюсь, наверное, без сознания на льду. Может, в больничку везут. Кстати, как вариант. Если вкололи какой-нибудь сильный препарат, так с него может вполне штырить.

— А действительно... Воняет, пацаны. — Я ухватился за руку Ржавого, который замер рядом со мной, и потянулся вверх, поднимаясь на ноги.

Сам бы не встал. Слабость накатывала волнами, а в глазах снова появилась пеле-

на. Попробовал пальцами затылок. Там было мокро. Посмотрел на руку. Кровь. О, блин. Какой реальный бред. Все ощущения будто настоящие.

— Понял, да? — повторил тихим шепотом Петька. — Я беру Жирного и Конину. Ты — двоих по краям. Бей сначала правого. Он новый, сразу свалится. Потом тогда мордуй левого.

— Не сцы, Ржавый, щас все будет ровно, — усмехнулся я в ответ.

Мне отчего-то стало еще смешнее. Даже легкость внутри появилась. Состояние предвкушения. Круто ведь. Реально круто. Можно считать, я оказался в виртуальной реальности. Типа того. Есть возможность примерить на себя шкуру брата. Блин, очнусь, спрошу врачей, чем кололи. Повторю потом еще разок.

В этот момент, не дожидаясь действий противника, я сорвался с места. Столь резкого поворота событий не ожидал никто. Даже Петька. Только что я валялся на земле с разбитой башкой, а тут уже несусь вперед, вылупив глаза. Причем мчался именно на Жирного. Этот тип в два раза шире и выше Петьки. Он Ржавого просто массой прижмет. А я... Блин, а я, если оказался Славиком, знаю точно, смогу его завалить. К тому же на земле, ровно по траектории моего движения, лежала труба. Тонкая, металлическая. На нее никто не обратил внимания. Очень зря.